

В Е Р А Калачкава

Настоящая любовь
долго терпит.

Сияние
первой
любви

Секреты женского счастья

Вера Колочкова

Сияние первой любви

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колочкова В. А.

Сияние первой любви / В. А. Колочкова — «Эксмо»,
2018 — (Секреты женского счастья)

ISBN 978-5-04-096301-0

Не зря говорят, что первая любовь – самая сильная, самая настоящая. И кто сохранит ее, тот будет счастлив всю жизнь. Спустя многие годы Татьяна снова встретила того, кого полюбила еще в детстве и кого поклялась дожидаться из армии. Но, увы, ей сообщили, что Сергей погиб... И вот выяснилось – это ошибка. Сергей жив. А значит, жива и любовь! Давние возлюбленные снова вместе – и все на свете для них перестало существовать, кроме их великого чувства. А ведь у каждого семья, дети. И что же теперь делать?.. Видеться тайно, обманывать? Или из этой ситуации есть выход?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096301-0

© Колочкова В. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Вера Колочкова

Сияние первой любви

© Колочкова В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*Две любви – то ли это любовь, то ли война,
Две любви невозможны – убийцею станет одна,
Две любви, как два камня, скорее утянут на дно...*

*Евгений Евтушенко
«Две любви»*

Глава 1

– Тань, вставай! На работу опоздаешь! Вставай же, ну! Потом сама на меня сердиться станешь, что силой не разбудил!

Таня простонала хрипло сквозь дурноту, вмиг подступившую к горлу:

– Отстань, а? Не видишь, мне плохо?

И перевернулась на другой бок. Хотя муж был исключительно прав – надо вставать. Нехорошо опаздывать на работу. И в том прав, что ее опоздание ляжет грехом на его неповинную голову. Такая у мужика судьба-злодейка – быть ее мужем, ничего не поделаешь. Влюбился, женился – терпи. Принимай от жены результаты дурного настроения... Бедный ты мой, несчастный, и угораздило же тебя, а?

Направление сонных мыслей ее вдруг рассмешило – надо же, пожалела мужа! Именно сейчас! В своем болезненно хмельном никудышном состоянии!

– Нет, она еще и смеется... – тихо удивился Валентин, – над кем смеешься-то, голубушка? Над собой смеешься? А ну, вставай, кому говорю! Иди, в зеркало на себя погляди, пьянчужка несчастная!

– Кто пьянчужка? Я пьянчужка?

Таня приподняла голову, неверным жестом отбросила со щеки волосы и попыталась изобразить обиду, но ничего хорошего из ее стараний не вышло, потому что тут же настигла новая волна дурноты, поэтому на лице, кроме болезненной судороги, ничего не отобразилось.

– Конечно, пьянчужка, кто же еще... – с тревогой склонился над ней Валентин. – Колдырь несчастный... Что, совсем плохо, да? Может, воды с лимоном принести?

– Ой, будь другом... Принеси, а?

– Ладно, сейчас...

Валентин ушел на кухню, а Танина голова снова упала на подушку, и мысли в голове понеслись такие странные, совсем не вписывающиеся в ее тяжелое похмельное состояние. И опять же муж Валя в этом виноват! Эта его манера общения... Господи, какие же любовь и нежность скользят в его ворчливом утреннем недовольстве! Какая забота! Какое трепетное восхищение! И так всегда и во всем... Как говорится, не задушишь, не убьешь. Что есть, то есть. Повезло с мужем. Ни грамма в нем нет от этого вот мужского противного – я прав просто потому, что я мужчина, и я в семье главный...

А все потому, что он на самом деле мужчина. Тот самый, который с большой буквы. И на самом деле в семье главный. Добытчик, стена каменная, такая прочная, что прочнее некуда. И любовь у него тоже каменная. В том смысле, что нерушимая. Пятнадцать лет живут – и ни одной трещинки. Повезло... Как говорит мама – штучный товар твой Валя, таких больше не бывает.

Дурнота отступила, и в сотый раз Татьяна поклялась себе – никогда больше не пить шампанского. Вроде благородный дамский напиток, а действует на всех по-разному – одной даме хоть бы что, а другую с ног валит... Но неловко было вчера отказываться от шампанского – шеф для своего юбилея так расстарался, самого лучшего приволок целый ящик, хотел угодить этим самым дамам. А что? Коллектив чисто женский... Есть логика. Не будет же он разбираться в предпочтениях. Тем более для него они вовсе не дамы, а сотрудницы. Пей, что наливают, и радуйся.

Остро запахло кофе, и Таня подумала с легким раздражением, граничащим с кокетливой капризностью: я ж воду с лимоном просила, а не кофе...

Валентин уже входил в двери спальни, неся перед собой поднос. Таня чуть приоткрыла глаза, увидела на подносе большой стакан с мутно-желтой лимонной водой и чашку с кофе. Ее

любимую керамическую чашку, оранжевую, грациозную, с большой удобной ручкой. Села на постели, потянула руки навстречу подносу, нетерпеливо перебирая пальцами.

– Да подожди ты, не торопись... Захлебнешься... – сочувственно проговорил Валентин, глядя, как Татьяна жадно вливает в себя воду. – А может, рассола огуречного еще принести, а? Чтобы уж наверняка...

– А у нас что, рассол огуречный есть? – удивленно глянула Таня, на секунду оторвавшись от стакана.

– Да нет... Это я так сказал, для метафоры.

– Ладно, хватит над бедной женой издеваться, – выдохнула она, осушив стакан. – Уф, хорошо-то как, а?

– Ты не жена, ты колдырь. Поняла, кто ты? Хорошо, пацаны тебя сейчас не видят, а то бы рассыпался у них на глазах образ прекрасной матушки. Я как знал, к бабушке с дедушкой их вчера отправил...

Таня взглянула на мужа, ничего не ответила, только хмыкнула. Ухватила чашку с кофе, сделала первый глоток, закрыла глаза.

Да, это хорошо, что мальчишки ее сейчас не видят. Хотя... Чего тут такого, подумаешь. Всего лишь правда жизни. Да, иногда у мамы на работе случаются юбилеи. И мама может расслабиться и не рассчитать положенного для нормального веселья дозы шампанского. Тем более возраст у пацанов не самый младенческий, Егору четырнадцать, а Даньке недавно восемь отметили.

И вообще, созданный в семье образ матери изначально непререкаем и романтичен. О чем тут еще говорить? Она Дюймовочка нежная. Она – фея. Она принцесса на горошине. Кто там еще? Золушка, что ли?

Нет. Золушка – это не про нее. Роль Золушки в доме исполняет муж Валя. Причем никто ему эту роль не навязывал, сам напросился. Сам был готов изначально и семь розовых кустов сажать, и фасоль разбирать рассыпанную, и думать о смысле и обустройстве их семейной жизни. Сам, только сам... Так он любовь свою доказывал... И доказал, наконец. Хотя и зря старался – Татьяна ему сразу поверила. Иначе бы замуж не вышла, потому что...

Она вдруг испугалась этого неожиданного «потому что». Ишь, незаметно как подкралось. Вообще надо забыть это несчастное «потому что»! Понятно, что оно живое и никуда не делось, ну сколько можно уже?! Ни о чем нельзя подумать расслабленно, сразу выскакивает это «потому что»...

Потому! Другого ответа и быть не может! Чего теперь зазря ворошить память? Потому что – потому. И точка. Да и было ли оно... Может, его и вовсе не было.

Таня тряхнула головой, отгоняя нечаянно возникшую опасную мыслишку, и волосы упали на лицо, скрыли от глаз внимательное сочувствие мужа. Прогнувшись в спине, она подняла руки вверх, потянулась, проговорила капризно:

– На работу неохота идти...

– Так не ходи, – с готовностью предложил Валентин. – Позвони, скажись больной... А можешь и не звонить, пусть прогул поставят. А завтра пойдешь и уволишься. Давно уже говорю – далась тебе эта работа! Сиди дома...

– Ага, размечтался! И что я, по-твоему, стану делать дома? Семейный очаг хранить?

– Не самое плохое занятие для женщины, между прочим...

– Ну, это смотря для какой женщины. Точно – не для меня. Я не умею жить на низких частотах.

– На низких частотах? На низких?

– Ну да...

– М-м-м... – с интересом присмотрелся к жене Валентин. – Это что-то новенькое...

– Да ничего новенького, Валь, все старенькое! И не притворяйся, что не понимаешь! Лучше честно скажи – не повезло тебе с женой, да? Ты ведь как хочешь... Чтобы я с тряпочкой целый день ходила да пылюку вытирала, чтобы рецепты кулинарные в Интернете выискивала, чтобы огурцы на зиму солила да варенье варила, да чтобы всем этим счастлива была и своим счастьем хвасталась!

– А, понятно... – кивнул Валентин. – Стало быть, это и есть женская жизнь на низких частотах? Вон оно как, а я и не знал... Я наивно полагал, что это не самая плохая женская жизнь... Для некоторых даже счастливая...

– Ну да... – вздохнула Таня. – Наверное, это счастливая жизнь, да. Но я ж не виновата, что мне не дано... Мне еще чего-то хочется в этой жизни...

– Чего? Каждое утро вставать и уходить в офис, и сидеть там, перебирая бумажки?

– Но ты ведь тоже ходишь в свой офис, тоже перебираешь бумажки! Нет, я понимаю, что бумажки у тебя другого уровня... И зарплата тоже. Но все равно... И вообще, что это мы с утра такой дурацкий разговор затеяли?

– Я не затеял. Это ты затеяла. А на работу сегодня точно опоздаешь. И я из-за тебя опоздаю.

– Так иди, я не держу...

– Пойду, пойду. Вот завтраком тебя, пьянчужку, накормлю и пойду.

– Да я не хочу есть...

– Не хочешь, а надо. Хороший завтрак бывает лучше всякой опохмелки. А тебе сейчас опохмелиться – самое то.

– Да ну тебя, Валь...

Таня сердито соскочила с кровати, гордо направилась к выходу из спальни, демонстрируя спиной свою обиду. Понятно, что обида была игрушечная, но другой обиды на данный момент у нее не было. Где ее взять-то, другую?

Зеркало в ванной безжалостно отразило помятое лицо, припухшие глаза с остатками плескающегося похмельного страдания. Хорошо погуляли на юбилее шефа, ничего не скажешь. Придется лезть под холодный душ, чтобы окончательно взбодриться...

После душа и впрямь зверский голод проснулся. Таня вышла из ванной в халате, с тюрбаном из полотенца на голове, плюхнулась на кухонный стул. Валентин поставил перед ней тарелку с овсянкой, горячий сэндвич с помидором и сыром, спросил участливо:

– Кофе еще сварить?

Татьяна утвердительно кивнула. Съев все, она испуганно ойкнула:

– Ой, Валь... Я же машину вчера у офиса на стоянке оставила! Ты меня отвезешь, надеюсь?

– Так моя машина в сервисе... Ты что, забыла? Третий день уже. Завтра только можно будет забрать.

– Да, я забыла... погоди! А вчера ты меня с юбилея шефа на чем забирал?

– На такси...

– Да-а-а? А я не помню...

– Так я ж говорю – пьянчужка. Колдырь. А ты мне не веришь.

– Ой, да ладно... Давай быстрее кофе, мне торопиться надо. Пешком пройдуся, быстрым шагом, чтобы морда лица на свежем воздухе приняла прежние дивные очертания.

– Что ж, хорошее дело... – ласково глядя на Татьяну, одобрил ее муж. – Давай, пройдишь. И для опохмелки хорошо, и для морды лица.

Через двадцать минут, уже одетая, причесанная и даже слегка подкрашенная, она снова заглянула на кухню. Валентин пил кофе, думал о чем-то своем, наверняка мыслями был уже на работе.

– Валь! Где мои эспадрильи? – огорошила она его резким капризным вопросом.

– Кто? – моргнул он рассеянно. – Эскадрильи? Ты что, мать, с дуба рухнула? Думаешь, тебе пора эскадрильи к подъезду подавать? Или это похмелье манией величия обернулось? Мне помнится, ты пешком хотела...

– Ой, Валь, уже не смешно, ей-богу!

– Конечно, не смешно... Кто спорит... Но ты бы спросила чего-нибудь полегче, а про эскадрильи я ничего не знаю, честное слово.

– Да не эскадрильи, а эспадрильи! Тапочки такие прогулочные, текстильные! Голубенькие такие!

– Ну, так бы и сказала – тапочки... А то – эскадрильи...

– Ну?! Ты их видел?

– Если тапочки, если прогулочные, если голубенькие...

– Ну?!

– Они в шкафу, в прихожей, справа, на второй полке, в белой коробке. Сама найдешь?

– Найду...

– И на том спасибо.

– Пожалуйста. Все, я ушла.

– Да иди уже... Горе ты мое луковое... В эскадрильях...

Выйдя из подъезда, Таня улыбнулась, поежилась от приятного холодка. Июньское утро было хоть и прохладным, но нежным и прозрачным, обещающим ясный день. И зашагала бодрым шагом прочь со двора, на ходу составляя себе маршрут: лучше пройти парковой аллей – так дольше получается, но прогулка приятней. Потом через площадь с фонтаном. А потом можно дворами путь сократить. Давно пешком просто так не ходила! А ведь зря, черт возьми... Ведь хорошо...

Она направилась было к выходу со двора, но услышала за спиной знакомый голос:

– Таня! Подожди, Тань...

Обернулась. Ага, Светка из своего подъезда выскочила, бежит к ней с улыбкой:

– Ты меня не подбросишь, Тань? На работу опаздываю!

– Ой, Свет, извини... – неловко развела она руками. – Я с вечера машину у офиса оставила... Юбилей шефа праздновали, я шампанским вдрызг упилась. Валя за мной на такси приезжал, а я даже не помню, представляешь?

– Ну, отчего ж... Представляю, конечно. Твой Валя вообще не муж, а золото во всех смыслах. А ты не ценишь!

– Я ценю, Свет.

– Да ни черта не ценишь! Потому что зажралась. Потому что разбаловал он тебя, вот что. Если бы я напилась до такой степени, что сама домой не смогла дойти, мой бы Володька ни за что за мной не поехал. Потом еще бы неделю поедом ел, разговаривал бы сквозь зубы... Да ты и сама знаешь, какой у меня Володька, чего я тебе рассказываю? Даже странно, что они с Валея друзья...

– А что тут странного, Свет? В одном дворе росли, вместе в школе учились... А школьная дружба – она самая крепкая, между прочим.

– Ну да... Только где сейчас мой Володька и где твой Валя? Как небо и земля...

– Да нормальный у тебя Володька, не прибедняйся!

– А чего мне прибедняться? Я и без того бедная. Володькину зарплату ведь не сравнишь с Валиной... И вроде тоже не без высшего образования, но моему Вале все в жизни удалось, а моему Володьке – ничего, один шиш с маслом. Всего богатства, что родительская двушка по наследству досталась. Почему так, а? Не понимаю...

– Не знаю, Свет, – растерялась Татьяна. – Может, Вале с работой повезло больше...

– Да работа везде одинаковая, только работники разные! Просто твой Валя умный, а мой Володька... Нет, он не дурак, конечно, просто он, как бы это сказать... Подать себя правильно

не умеет. И терпения ему не хватает, и выдержки. Где надо смолчать, обязательно выступит не по делу, а где надо выступить – наоборот, в тень уходит. И потом злится на себя, а заодно и на меня. Но я тут при чем, скажи? Я и без того всю эту жизнь терплю, как могу...

Таня вздохнула, ничего не ответила – разговор был бессмысленным. И не разговор даже, а очередной выплеск Светкиной зависти. Как всегда, неожиданный. Хорошо, что она вовремя опомнилась, заговорила с извинительными нотками в голосе:

– Господи, Тань... Чего это я на тебя напала с утра? Стою, главное, на жизнь жалуюсь, время теряю. Я же на работу опаздываю! Ты сейчас куда? На автобусную остановку?

– Нет, я решила пройтись немного. Мне в другую сторону.

– А... Ну тогда ладно. Тогда я побежала. Пока, Тань. До встречи!

– Пока...

Светка пошла, неловко цокая по асфальту каблуками дешевых босоножек. Было заметно, какие они неловкие, эти босоножки, сработанные из грубого кожзаменителя. И сама Светка была неловкая, несуразная какая-то. На голове горшок, а не стрижка, и джинсы приобрели непонятный линиялый цвет от многочисленных стирок, и серая кофта поверх джинсов – невразумительно трикотажная. Нет, и впрямь, куда Володька смотрит? До чего жену довел...

Потом подумалось вдруг – наверное, Светке очень тяжело с ней общаться. Да и не общались бы они никогда, если бы мужья не дружили. Наверное, самое тяжелое общение между двумя женщинами – это вынужденное общение. Вроде как тоже надо дружить, если мужья дружат, а не получается. Завидовать получается, а дружить – нет...

А вообще – ну ее, эту Светку. Пусть завидует, жалко, что ли. Ей многие завидуют, и что с того? Счастливым женщинам всегда завидуют, это норма. А если норма, то надо нести свое женское счастье с высоко поднятой головой и ни на кого не обращать внимания. И все время повторять себе – я счастливая, счастливая! И сейчас тоже счастливая, сию минуту, сию секунду. И нет меня счастливей на свете...

Нет. Нет, черт возьми. Не откликается внутри ничего на внешние призывы. Наверное, Светка права, когда вынесла свой вердикт – «зажралась». Наверное, все должно быть наоборот, а? Наверное, сначала внутренний посыл должен быть, а внешний на него должен откликнуться. Как тогда... Единственный раз в жизни... Как тогда...

Она и сама не заметила, как вошла в парковую длинную аллею, как прошлое накинuloсь на нее в этом спокойствии и безлюдье, в шуме молодых и резвых тополиных листьев. Будто пробка сама вырвалась из бутылки, и память выскочила на волю. И на тебе, получи то самое, которое хочешь забыть!

Надо же, давно так яростно забытое не вгрызалось. И вот опять... Но ведь не было ничего, и вспоминать, по сути, нечего, совсем нечего! Ничего не было, кроме девчачьего ощущения, к тому же наверняка обманного! Глупость какая, прости господи, сколько лет с тех пор минуло! Почему, почему она время от времени окунается с головой в это ощущение? Иногда кажется, что оно живет в ней своей партизанской жизнью, и не ухватишь его, не поймашь, не уничтожишь...

Его звали Сережей. Он был студент политехнического, приезжал в деревню Озерки к бабушке на каникулы. Она окончила тогда предпоследний школьный класс, это были ее последние каникулы. И тоже гостила в Озерках у своей бабушки.

Он давно ей нравился, тайно и мучительно. Скорее всего, она себе его просто вымечтала в девчачьих грезах. Собственно, и в Озерки ездила в большей степени для того, чтобы увидеть Сережу. Просто увидеть, и все. Даже особо и не задумывалась над подоплекой этого навязчивого желания – какой там психоанализ в тринадцать лет! Просто весело было, щекотало внутри поставленной целью – увидеть, увидеть... По улице лишний раз пройти мимо дома, где жила его бабушка, на дискотеку припереться вместе с такими же девчонками-малявками, чтобы поглазеть... Он, естественно, и внимания на нее не обращал. Разница в пять лет в под-

ростковом возрасте – целая пропасть. А в то лето, когда ей шестнадцать исполнилось... Первое и последнее их лето...

Нет, ничего не было, ничего лишнего он себе не позволил. Просто гуляли, разговаривали ни о чем, а больше молчали. И Сережа смотрел на нее задумчиво и многозначительно. А у нее – сердце в пятки... В шестнадцать лет девчачий романтизм так в основном и прыгает – от сердца к пяткам. А по пути любит еще за горло спазмом схватить и кувыркнуться в солнечном сплетении. А Сережа от избытка навалившейся вдруг нежности даже за руку ее взять не смел...

Так и ходили, ослепшие, оглохшие и онемевшие. А потом...

Они стояли на высоком берегу реки, у обрыва. Вроде как закатом любовались. Он сделал шаг назад и вдруг обнял ее за плечи. Молча. Просто обнял, и все. И так они стояли долго, долго...

А может, недолго, может, минут пять всего. Или десять. Но это совсем неважно – сколько минут длилось это счастье. За всю свою последующую жизнь Татьяна больше ни разу не испытала ничего подобного. Счастье было таким огромным, таким насыщенным, что казалось непереносимым. Какие там, к черту, бабочки в животе, которые сейчас пытаются всунуть в каждый влюбленный живот, чтобы показать меру счастья! Нет, это было что-то другое. Не бабочки. Что-то совсем непереносимое. Что невозможно забыть. Может, тогда это непереносимое счастье свалилось на нее сразу, оптом? То самое счастье, которое другим выдается в течение всей жизни по кусочку, по копеечке, по маленькой порции? Может, кто-то там, наверху, знал про них уже все заранее.

– Меня в осенний призыв в армию заберут... – тихо проговорил Сережа ей на ухо.

– А как же институт? – хрипло спросила Таня. – Тебе же еще год учиться?

– В деканате сказали – потом доучишься, после армии. Да многих парней забирают, договор у них с военкоматом... Но я это к чему, Тань... Про армию... Ты меня дождешься, замуж не выйдешь?

– Какой замуж, ты что... Мне осенью только семнадцать будет.

– Я не понял. Ты меня подождешь?

– Конечно... Конечно, подожду. Я ведь давно люблю тебя, Сережа.

– Да? А я не знал... Я только сейчас понял, что ты для меня значишь...

– И что я для тебя значу?

– Все. Ты понимаешь? Все. Я очень тебя люблю...

Они даже не поцеловались тогда. Так и стояли на краю обрыва, замерев. И снова молчали. И снова молчание было объемным, и можно сказать, страстным, страстнее всякого поцелуя. Наверное, такого с другими влюбленными не бывает. А у них – было. Дух любви взлетел выше ее традиционного физического воплощения. Взлетел и смотрел на них свысока молча.

Из армии Сережа не вернулся. Он даже письма не успел ей написать. В первый же месяц забрала его чеченская война, беспощадная и бессмысленная. Татьяна тогда по молодости лет и понять толком не смогла, что произошло – бред какой-то, абсурд... Какая война, какая такая смерть! Да как они смели вообще, если у них должно было счастье состояться? То самое, духом любви обещанное и то самое непереносимое, какого другим не дано!

Поплакав, она смирилась. Наверное, какая-то защита включилась – но почему-то смирилась. Да и как можно не смириться со смертью? Ничего ж не поделаешь, Сережу не воскресишь... И на втором курсе института вышла замуж за Валю – он так романтично за ней ухаживал...

А в Озерки к бабушке больше никогда не ездила. Не могла. Тем более бабушка вскоре умерла, а ее дом родители продали. Больше ничего ее с той романической историей не связывало. Давно и забыть пора – мало ли что случается с нами в юности?

Она и забыла. Только память о тех минутах счастья осталась. Иногда возвращается как-то вдруг, в самый неподходящий момент, будто сказать чего хочет. И даже тело помнит эту

энергию – кольца Сережиных рук. Память-ощущение. Память-счастье. Непереносимая память – как нахлынет порой, и кажется, что все в жизни идет не так, все неправильно...

Хотя что, ну что неправильно-то? Она же счастливая! Чего еще не хватает? Может, и правда зажралась? Все есть, а того непереносимого ощущения больше не повторилось! А может, и не должно оно повториться? Что за капризы, в самом деле? Скромнее, скромнее нужно быть, вот что. Один раз послали оптом, и радуйся. И не проси больше...

Очнулась Татьяна от непрошенных мыслей уже в конце аллеи, стряхнула их с себя, улыбнулась. И даже постаралась, чтобы улыбка для самой себя выглядела саркастической. Сорок лет бабе, а она до сих пор юными ощущениями тревожится! Смешно.

Аллея плавно перетекла в мостовую центральной городской площади, на которой хозяйничало утреннее июньское солнце. Ударило по глазам, словно проговорило сердито – эй, женщина, очнись! Здесь и сейчас живи, посмотри, как мир прекрасен, как искрятся резвые струи фонтана, как зреет молодое лето в листьях деревьев и в нежных лепестках тюльпанов на городских клумбах! А какие запахи доносятся из дверей кофейни – твои любимые запахи, сладко-терпкие с нежной горчинкой и оттенком то ли корицы, то ли кардамона... Очнись, очнись! Нельзя жить иллюзиями, хоть они и прекрасны!

Таня усмехнулась грустно – понятно, что нельзя. Она и не живет. Само собой получается – то ли от досады, что иллюзия никогда уже не повторится, то ли от того, что не желает иллюзия оставаться всего лишь иллюзией, а претендует на нечто большее. Претендует и не отпускает. Более двадцати годков минуло, а не отпускает. И плевать ей на все, и на ее женское законное счастье, и на прекрасный мир с резвыми струями фонтана, молодым летом и вкусными запахами кофе!

– Таня! – услышала она за спиной незнакомый женский голос, обернулась удивленно.

– Ой, простите... – отступила назад окликнувшая ее женщина. – Неужели я обозналась? Но вы ведь Таня, да? Таня Клименко?

– Да... То есть в девичестве я была Клименко, а теперь Леонтьева... – растерянно произнесла Таня, вглядываясь в женщину.

– Ну да, точно! Таня Клименко! А я Настя Евдокимова! Не узнаешь, что ли? А Озерки помнишь? Мы ж вместе с тобой девчонками по лесам да по полям пересекали! Неужели я так изменилась, Тань? Хотя конечно, столько лет прошло. А ты ничего, хорошо сохранилась. Такая молодая, стройная... А я, выходит, не очень, если ты меня не узнала. Сильно растолстела, да?

– Ну, в общем, нет... Что ты, Настя... Просто у меня зрение плохое, а очков я не ношу, вот и не узнала... – лепетала Таня рассеянно, стараясь приветливо улыбаться.

Конечно, Настя изменилась, и даже очень. И практически невозможно было узнать в расплывшейся тетке ту самую Настю, деревенскую подружку, худенькую и белобрысенькую, с конопушками на вздернутом носике. Хотя конопушки остались, да. И вздернутый носик остался. И все, и больше ничего общего с той Настей не наблюдалось... Волосы из светлорусых стали отчаянно рыжими, щеки мягкими и пухлыми, и вся Настя была мягкой и пухлой, как сдобная булка. Ужас, до чего себя довела. Но ведь не скажешь ей об этом прямо – я, мол, не узнала тебя, потому что в этом поросенке невозможно узнать прежнюю Настю! Впрочем, бывшая подружка сама пришла на помощь, проговорила весело, махнув рукой:

– Да ладно, я ж понимаю... Так меня разнесло в последние годы, что никто уже не узнает. Я ведь троих сыновей родила, представляешь? Четвертого жду... Все никак девка не получается, хоть плачь! Мне мой мужик так и сказал – пока девку не родишь, не успокоюсь! Да, он у меня такой... Всем мужикам сыновей подавай, а ему девку приспичило... Я ему говорю – куда еще четвертого-то? А он – ничего, прокормим... Да и то – зарабатывает неплохо, автослесарем в сервисе работает. Сейчас подъехать за мной должен сюда, к фонтану. А я с утра в женскую консультацию ездила, потом прогуляться решила немного... Смотрю и глазам своим не верю – Танька Клименко собственной персоной! Ну надо же, какая встреча!

Настя щебетала без умолку, Таня слушала рассеянно, улыбалась, кивала. А сердце почему-то стучало в бешеном ритме. И мысль дурацкая, фантазийная вдруг мелькнула в голове – не зря все это... Не зря! Это давешние мысли о прошлом взяли и притянули к ней человека из прошлого! Нет, в самом деле. На мистику похоже. Или на предчувствие чего-то мистического...

– Насть, а ты давно из Озерков уехала? – спросила она тихо, перебив Настю на полуслове.

– Так двадцать лет тому... Как мой Саша меня сосватал, так и уехала.

– А сейчас часто туда едешь? У тебя ведь мама в Озерках живет...

– Ой, что ты, давно не живет! Мамка-то, как меня замуж выдала, и себе мужика нашла, уехала с ним на Север. Так далеко, что лишний раз и не соберешься, и не повидаешься. Вот такие дела, да... А тетка там живет, в Озерках. Мы ездим к ней, но редко. Надо бы почаще, конечно, она обещала на меня дом переписать. А ты в Озерках не бываешь? Хотя да, бабушка-то твоя померла... Но мне тетка говорила, что как-то видела твоих родителей, они на машине были, у магазина останавливались.

– Да, мама с папой ездят на могилу к бабушке. А я ни разу не была.

– Почему?

– Не могу...

– Да почему?

– Мне тяжело, Насть...

– Вот еще, новости! Чего тяжело-то? В детстве ты вроде бабушку очень любила и в Озерках любила гостить! Там же так хорошо! И зря вы дом бабушкин продали, сейчас бы как дачу использовали! И ты бы со своей семьей приезжала! Я слышала, у тебя двое мальчишек, да?

– Да. Двое.

– Ну, вот... Детям же нужен свежий воздух!

– Я бы не смогла, Насть... – с трудом проговорила Таня. – Мне тяжело там. Потому что...

– А, ну да... Как же я сразу-то не сообразила, глупая! Это из-за Сереги Рощина, да? Я помню, как ты влюблена в него была, как вы гуляли в последнее лето. А потом его в армию забрали, а ты не дождалась, замуж выскочила.

– Да, не дождалась. Оттуда не дожидаются, Насть, – удивленно глянула на Настю Таня.

– Откуда – оттуда? – с таким же удивлением в голосе переспросила Настя, странно и настороженно улыбнувшись.

Таня вздохнула, трагически прикрыв глаза, – что за вопрос дурацкий? Настя не может не знать, что Сережа погиб...

– Так я не поняла... Откуда – оттуда? – настойчиво переспросила Настя. Потом вдруг округлила глаза и испуганно прикусила губу, будто сообразив что-то, и проговорила испуганным шепотком: – Постой, постой... О господи, Танька... Да неужели ты не знаешь? Не может быть...

– Чего я не знаю, Насть? – тихо спросила Таня, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

– Да ведь он живой, Тань...

– Кто живой? Сережа? Но этого не может быть! Я помню, как его бабушка убивалась, как мать его в Озерки приезжала... Да я сама плакала на ее плече, ты что... Его похоронили, Настя, неужели ты забыла?!

– Да ничего я не забыла! Слава богу, в здравом уме и твердой памяти нахожусь!

– А что же это было тогда? С похоронами Сережи...

– Да, так и было! Только похорон не было на самом деле. То есть родственникам объявили в военкомате, что Сережа погиб, когда на их часть боевики напали. Что некого хоронить, всех на куски разорвало от мощного взрыва. Тогда ж многие ребята гибли, такая заваруха была! А потом оказалось, что Сережа живой! Не помню всех подробностей, как так случилось, повезло ему, наверное. Да, живой, представляешь? Вернее, едва живой. Весь израненный, к

тому же контузия страшная с полной потерей памяти... Целый год в госпитале валялся, пока сам себя не вспомнил. Мать к нему приехала, а он никакой. Почти калека. Потом еще год его выхаживать пришлось, чтоб хотя бы ходить начал. Представляешь, что это такое для матери? Через год после смерти сына узнать, что он живой! Господи, да я думала, ты знаешь, Тань! Неужели тебе никто не сказал?

– Нет, никто не сказал... – бесчувственными губами пролепетала Таня. – Я ж в Озерках больше не была.

– И мать Сережина не сказала? Хотя да – не до тебя ей было. Еще и бабушка Серегина в Озерках померла... А у матери и родственников никаких больше нет, помощи ждать неоткуда. Говорят, ей несладко пришлось тогда – один на один с горем. И с калек-сыном, за которым надо ухаживать. А на все ж деньги нужны, сама понимаешь! Нынче любое лечение в копеечку выливается, а если больной лежачий – тем более. Дом в Озерках продала, конечно, но много ли с той развалюхи выручишь? Но вроде поставила-таки Серегу на ноги, я краем уха слышала. Вроде ей помогли, нашлись хорошие люди...

– А где сейчас живет Сергей? В Озерках?

– Да нет, что ты. Где ему там жить? Здесь где-то, в городе.

– То есть... Вот в этом самом городе?!

– Ну да...

– А где? Адрес знаешь?

– Да откуда, Тань... – пожала плечами Настя. – Мне и без надобности его адрес. Тебе лучше знать, где его мать живет.

– Нет, я не знаю, – призналась Таня. – Я у нее никогда не была. Не успела... Мы с ней только в Озерках виделись.

– Ну, не знаю, чем тебе даже и помочь. Да ты чего так разволновалась-то, господи! Гляди, побледнела как! Столько лет прошло, а ты так близко к сердцу приняла... Ты что, Серегу так сильно любила, да? Но вроде мы совсем соплюхами тогда были. Да, странно как-то... Не понимаю...

– Да я и сама себя не понимаю, Насть... – проговорила Таня. – Вдруг накатило чего-то, и впрямь нехорошо стало...

– У меня водичка с собой есть, будешь?

– Да... Давай...

Настя полезла пухлыми суетливыми руками в сумку, достала бутылку воды, сунула Татьяне в руки. Со стороны проезжей части донесся требовательный автомобильный гудок, и Настя обернулась на него торопливо:

– Ой, Тань, это за мной! Мой приехал! Ну, я побежала, да? Рада была увидеть... Да ты пей водичку-то, пей! Я тебе ее оставлю! А лучше всего поди-ка, сядь на скамеечку, посиди. Надо же, а я думала, ты знаешь. Поди, и не надо было говорить-то... Ну все, Тань, я побежала! Пока! Может, еще свидимся как-нибудь!

Настя неуклюже заторопилась к призывающему ее мужу, на ходу обернулась, махнула рукой. Таня тоже вяло махнула, потом поискала глазами скамью – и впрямь надо было сесть. Чтобы не грохнуться в обморок. Чтобы как-то принять и переварить неожиданную информацию. Ага, вон там, в тенечке, под кустом сирени, есть свободная скамья...

Села, нацепила темные очки, будто спряталась от посторонних глаз. Будто они, посторонние, могли разглядеть ее смятение. Или увидеть, как она снова ныряет в прошлое, практически поневоле, и слышит голос Сергея, обращенный к ней с ласковой надеждой:

– Ты ведь дождешься меня, Тань? Это же всего два года...

– Дождусь, конечно! Даже не думай!

– Правда?

– А что же еще, по-твоему... Конечно, правда...

Господи, конечно же, тогда это было чистой правдой! Конечно же, она готова была ждать его сколько угодно, хоть всю жизнь... Если бы знала... Но она не знала, не знала!

И вдруг ожгло запоздалое понимание – а что же, в сущности, произошло тогда? Значит, пока она принимала ухаживания Валентина, Сережа был жив? Более того – нуждался в ее помощи? Был болен, беспомощен, лежал в госпитале один, звал ее мысленно, наверное... Или не звал? Настя ведь сказала, что у него была долговременная потеря памяти. Была, но потом он выздоровел. И не стал ее искать. Не захотел? А может, узнал, что она замужем? Интересно, помнит ли он ее вообще?

Да, помнит. Почему-то Таня в этом была уверена. Не зря же время от времени наплывает это счастливое ощущение – она в кольце его рук, и счастье внутри невозможное, непереносимое до озноба... А может, это Сережина месть – навязчивая память о той непереносимости и невозможности счастья? Память, которая мешает жить, которая вторгается беспардонно в самый неподходящий момент? Ведь ничего не бывает просто так. Метафизика любви – штука необъяснимая.

Но ведь можно попытаться объяснить. Просто объяснить. Просто встретиться и объясниться. И расставить все по местам. И окажется, что она всю эту «непереносимость и невозможность» просто нафантазировала, и сразу легче будет!

Да, надо найти Сережу и объясниться... Но как его найти? Вот глупая, даже телефона Настиного не спросила! Хотя зачем нужен Настин телефон, она ведь сказала, что не знает Сережиного адреса. Вот задача...

Может, в соцсетях поискать? Наверняка у Сережи есть своя страничка. Найти, письмо отправить. Хотя нет, глупо как-то. Что она в том письме напишет? Нет, надо его живьем увидеть, в глаза ему посмотреть. Просто посмотреть, и все! Имеет право! Может, глянет на него живьем, и...

И лучше ничего дальше не загадывать. На сегодня задача стоит просто – найти.

Может, через адресное бюро попробовать? Интересно, нынче есть такая услуга – поиск человека через адресное бюро? И где оно располагается вообще? Да и что она о Сереже знает? Что он Сергей Рошин, родом из Озерков? Но даже не факт, что он в Озерках родился, он же в Озерки к бабушке приезжал. Да и бабушка давно умерла...

А может, просто махнуть в Озерки, там наверняка кто-то да что-то о нем знает. Может, и адрес городской знают...

Боже, совсем она с ума сошла – одно решение круче другого. Уже и в Озерки ехать собралась. Зачем, зачем все эти хлопоты? Надо остановиться, надо дать себе отчет – больше двадцати лет прошло! Эй, слышишь, дурная голова? Остановись...

Но внутренние призывы на голову не действовали, рука уже потянулась в кармашек сумки, где лежал телефон. Кликнула номер офисного секретаря Алины, и та ответила сразу, протянув нараспев:

– Да, Татьяна, я слушаю...

– Привет, Алина. Слушай, тут такое дело... Даже не знаю, как сказать...

– Ой, да можешь не говорить, и без того все понятно!

– Что тебе понятно, Алин?

– А то и понятно... Головушка с похмелья болит, да? Вчера ведь все хорошо набрались, я одна была хорошей девочкой, трезвой как стеклышко. И потому вовремя на работу пришла. Твой звонок уже третий, между прочим... И можешь дальше не продолжать, я все понимаю – прийти не можешь, завтра оформишь отгул задним числом... Я права, Тань? Ведь права, я знаю.

– Ну... В общем...

– Понятно. Скажи мне спасибо, что избавила от ненужных и натужных объяснений.

– Спасибо, Алина.

– Да на здоровье.

– Слушай, а Михаил Романыч... Он же меня потеряет...

– Не потеряет. У него тоже голова болит. Сегодня в нашем государстве объявлен экстренный выходной по причине всеобщей головной боли. Так что можешь отлеживаться со спокойной совестью. Да и мне хорошо. Если уж пошел такой праздник, и я тоже от всех отдохну. Отлеживайся, Тань! Пользуйся моим добрым характером!

– Да. Буду отлеживаться. Еще раз тебе спасибо.

– Спасибо мне много... Шоколадку завтра неси. Я молочный люблю, с орехами.

– Принесу, Алиночка, принесу, – пообещала поспешно Татьяна. – Две шоколадки принесу. Все, пока...

Таня нажала на кнопку отбоя, резво подскочила со скамьи. Значит, все-таки Озерки! Сама судьба голосом доброй Алины подсказывает. Теперь главная задача – пройти к зданию офиса незамеченной. Надо же как-то на стоянку прокрасться, машину забрать и – вперед...

* * *

Утренних городских пробок к этому часу почти не было, так что удалось быстро выехать на окраину и помчаться в сторону Озерков. По шоссе километров сто, потом по проселочной дороге еще пятьдесят. Часа два уйдет на дорогу – и это в лучшем случае. Помнится, проселочная дорога была в те далекие времена неважнецкой. Или сейчас уже новую проложили? Поглядим, поглядим. Главное, вопросов самой себе лишних не задавать, если уж поехала. Не надо анализировать – зачем поехала, для чего. Будем считать, что эмоция всем движет, безрассудная и дурная. Хотя и ее тоже в приличную форму можно облечь – к примеру, совесть заела, и Таня решила бабушкину могилу в Озерках навестить... А что! Вполне даже уважительная цель поездки! Ни разу ведь на могилу к бабушке вместе с родителями не собралась, все боялась чего-то, отнекивалась...

Оно и понятно, чего боялась. Казалось – только приедет, и память из каждого переулка накинется, начнет сердце грызть... Вон там с Сережей гуляли, а вон там просто стояли, прощаясь...

Нет, все-таки правильно она решила – надо Сережу найти. Положить конец этой сердечной незавершенности, пусть больше не мучает. Потому что это глупо, в конце концов, очень глупо мучиться памятью родом из юности. Потому что мешает жить полноценно. Мужа любить мешает, в конце концов! А он ведь ни в чем не виноват, он такой хороший! Он не заслужил. Он самый лучший муж на свете, лучше не бывает. И потому, как ни поверни... Все-таки правильное она приняла решение – Сережу найти.

Интересно, какой он сейчас? Изменился сильно, наверное. Тогда был красивым парнем, а сейчас красивым мужиком стал? Сорокапятилетним! Боже, и подумать страшно! Сереже – сорок пять! Возраст для мужика самый матерый. А она? Как он на нее посмотрит, какими глазами? Была нежной девчонкой, стала сорокалетней теткой...

Теткой?! Ну нет уж, фигушки! Теткой ее никак назвать нельзя. И фигуру хорошо сохранила, в достойной худобе и стройности, и за лицом всегда ухаживала, и массажи, и маски, и все, что лицу можно и нужно, и ботокса в него вкачано ровно столько, чтобы не видеть в зеркале ту самую «тетку». Нет, это уж фигушки...

Свернув с шоссе на проселочную дорогу, Таня сразу поняла, что никакого «дорожного чуда» за эти годы не произошло. Хорошо, хоть погода хорошая, дождя нет. А то бы куковала тут, застряв надолго.

Чем ближе она подъезжала к Озеркам, тем чаще билось сердце. А вот и первые дома показались. Незнакомые, новые, обитые сайдингом. Видать, дачники любят это место. Да и отчего его не любить? Природа здесь замечательная. Леса грибные, речка чистая, с обрыви-

стыми берегами, с камышами в затонах. Помнится, раньше в той речке раки водились, а в камышах по осени уток было видимо-невидимо. Наверное, и сейчас тоже.

Так, размышляя да вспоминая, Татьяна вкатилась на центральное место поселка, гордо именуемое площадью. Раньше здесь было здание сельсовета, а перед ним – гипсовый грязновато-серый Ленин в кепке, с протянутой вперед рукой. А нынче Ленина нет, убрали, наверное. Вместо Ленина – клумба с цветами, с резедой, тюльпанами и нарциссами. И никого. Как вымерли все. Народ, где ты? Ау...

Таня вышла из машины, прошлась немного, размяла затекшие ноги. Вдохнула, посмотрела кругом, в очередной раз переспросила себя – зачем приехала? У кого и что спрашивать будет? Кто тут может помнить Сережу Рощина, который когда-то давным-давно приезжал к бабушке на каникулы? Да никто и не помнит наверняка...

От досады и волнения пересохло в горле, захотелось попить воды. А вон и магазинчик неподалеку, надо зайти.

Таня открыла дверь – брякнул над головой звоночек. Из недр магазинчика показалась продавщица, которая жевала что-то на ходу. Так, не прожевав, спросила молча, подняв вверх подбородок – чего, мол, приобрести желаете?

– Воды можно? – грустно попросила Таня, разглядывая продавщицу.

– Минеральной? С газом? Без газа? – равнодушно протараторила женщина, поворачиваясь к полке с бутылками. – Литровую, половинку?

– Мне без газа... Можно литровую...

– Тридцать семь рублей! – бухнула бутылку на прилавок продавщица.

Таня к тому времени уже успела разглядеть ее более внимательно. И произнесла осторожно, боясь ошибиться:

– Скажите, а вас ведь Людмилой зовут? Правильно?

– Ну... – пожала плечами женщина, – допустим, Людмилой, и что с того?

– А фамилия у вас такая... Ой, я забыла, надо же... Что-то в ней такое ягодное, да?

– Ну, допустим... Земляникина я была до замужества. А мы знакомы, что ль? Чего-то не признаю...

– Точно! Люда Земляникина! – обрадованно всплеснула руками Таня. – Люд, а ты меня совсем не узнаешь?

– Не-е-т... – протянула женщина, внимательно в нее вглядываясь.

– Да я же Таня Клименко, я в детстве каждое лето у бабушки в Озерках проводила! Не помнишь, как вместе бегали, как в речке купались, раков ловили...

– Танька? Да неужели это ты? – недоверчиво приложила руки к груди Люда, продолжая ее разглядывать. – Да не может быть. Вот сроду бы не узнала, если б ты сама не сказала...

– Да я это, я!

– Ну, ты даешь! Да разве можно в тебе разглядеть ту Таньку Клименко... Такая стала – ну прям фу-ты ну-ты! Я еще подумала, откуда к нам в Озерки такую мамзель занесло... Будто из телевизора... А это Танька Клименко, надо же!

Таня рассмеялась польщенно. Комплимент был на сто процентов искренний, если взять во внимание ту оторопелость, с какой произнесла его Люда. Потому что лицемерие к оторопелости не успевает вовремя включиться, оторопелость всегда впереди бежит. Да и с чего бы Люде с ней лицемерить?

– Спасибо, Люд... – произнесла она тоже искренне. – Ты тоже хорошо сохранилась.

И тут же подумала про себя, что она-то как раз лицемерит, подавая ответную искренность как благодарность. Потому что про Люду с большой натяжкой можно сказать – хорошо сохранилась. То есть она даже не «хорошо», а совсем не сохранилась. Лицо грубое, неухоженное, с глубоко прорезанными морщинками от глаз к вискам и в носогубных складках, волосы паклей торчат надо лбом, под синим фартуком униформы пузо выпирает основательно-мно-

гозначительное. Зато синяя пилотка кокетливо украшена брошкой-цветочком, как последним покушением на остатки женственности.

– Да ну... – вяло махнула рукой Люда и скептически улыбнулась, отвергая ответный комплимент. – Какое там сохранилась, скажешь тоже. Видишь, как меня разнесло, хоть в зеркало не смотри. Дом, хозяйство, мама больная, трое детей... Да еще и работа эта чертова, весь день сама себе не принадлежу, пашу за гроши на хозяина... Да ладно, про меня рассказывать неинтересно! Ты лучше про себя расскажи, Танька! Что ты, как? Замужем? Дети есть?

– Да, замужем! Двое детей, мальчишки!

– Работаете?

– Да, работаю.

– А где?

– Да так, в одной хорошей фирме...

– Начальницей, поди?

– Почему ты так решила, Люд?

– Ну, по тебе ж видно. Такая вся из себя, расфуфыра изнеженная... Поди, мешки с картошкой на себе не таскаешь?

– Нет, Люд. Не такая уж я большая начальница. Как сейчас говорят – среднее звено.

– Видать, хорошо зарабатываешь в этом своем среднем звене?

– Ну, не так чтобы...

– Тогда, наверное, муж зарабатывает?

– Да, муж хорошо зарабатывает, – смутилась Таня, – Да все у меня нормально, в общем...

– Понятно, не хочешь про себя рассказывать, – вздохнув, кивнула Люда. – Да и не надо. Это я так, чисто из любопытства спрашиваю. Узнать хоть, как люди живут... А то мы нормальную жизнь в телевизоре только и видим. А чего ты в Озерки-то приехала? Дело какое образовалось, что ли? Хотя какие у нас тут дела могут быть...

Люда задумалась на секунду и, не дожидаясь Таниного ответа, хлопнула себя ладонью по лбу:

– А, я поняла, поняла... Наверное, решила бабушкину могилу навестить?

– Да... – торопливо согласилась Таня. – Да, так и есть, я давно не была. Как бабушку похоронили, так ни разу и не была.

– Да ты что? Прямо ни разу? Ну, ты даешь... Плохо это, неправильно. Бабушка-то любила тебя, я помню. Так ты торопишься, поди? А я тебя своей болтовней задерживаю.

– Нет, я не тороплюсь, Люд. Давай еще поговорим. Расскажи мне, как вы тут живете вообще... Кто на ком женился, кто за кого замуж высочил...

Она все никак не могла приступить к главному – спросить про Сергея. Пока Люда взахлеб выкладывала информацию, вовсе Тане не нужную, слушала, улыбаясь, кивала, изображала заинтересованность. Вдруг Люда сама спросила в лоб:

– А Сережу Рощина помнишь, Тань? Ты должна его помнить, вы ж вроде гуляли! Ну да, точно... Мы с девчонками еще на тебя обижались, что ты все с ним да с ним, а нас побоку. Да, точно, в последнее лето это было, когда... Когда ты ездить-то перестала. Любовь у вас с Серегой была, точно. Неужели ты его не помнишь, Тань?

– Помню, Люд, – напряглась Татьяна. – Конечно же, помню. Да ты продолжай, я слушаю...

– Ага, ага. Ну так вот... Потом, значит, слух прошел, что его в армию забрали, в Чечню отправили и он там погиб... А потом оказалось – живой! А бабушка его так счастливой новостью и не дождалась, и померла с мыслью, что на том свете с любимым внуком встретится... Бывает же, а? Ты-то знала, что его не убили?

– Нет, я не знала. Я все эти годы думала, что он погиб.

– Да ты что? Ну надо же... А он живой, да! Говорят, в городе живет, семья у него хорошая, двое детей.

– Семья? Двое детей?

– Ну да... – подтвердила Люда. – А чего ему, бобылем, что ли, жить? Нет, все чин чинарем... Как у всех...

– Люд, а ты не знаешь, где он живет?

– В смысле адреса, что ли?

– Ну да...

– Нет, откуда мне знать...

– А кто знает?

– А тебе зачем, Тань?

– Мне очень надо, Люда. Не спрашивай, зачем, просто помоги адрес узнать. Пожалуйста.

– Так я чего, я и не спрашиваю, ладно! – махнула ладонью Люда. – А насчет адреса... Дай-ка подумать...

Люда и вправду глубоко задумалась, даже сдвинула свою пилотку назад и поскребла ногтями темячко. Потом радостно блеснула глазами, выпалила уверенно:

– Так чего я думаю-то, господи! Лариска же Миронова знает! Помнишь Лариску Мионову, Тань? Тоже вместе с нами в детстве по Озеркам бегала!

– Лариску? Нет, Лариску не помню, – неуверенно проговорила Таня. – Может, и вспомню, если напрягусь. Так говоришь, она адрес знает, да?

– Ну да! Сережа же с мужем ее дружил, с Иваном! Помнишь Ивана? Его родители жили в доме по соседству с Сережиной бабушкой, помнишь?

– Да, Ваню я помню...

– Ну вот! Иван же потом на Лариске женился! Правда, они вместе всего лет пять прожили, не заладилось у них чего-то, разбежались. Иван на Север уехал, завербовался, а Лариска тут одна осталась, то ли мужняя жена, то ли разведенка, непонятно. Да я ее сейчас наберу, погоди! Она сама все и расскажет...

– Что расскажет, Люд? Если они с Иваном развелись, откуда она про Сережу знает?

– А вот и знает, Таньк! Они ж к нему в гости ездили, пока все у них ладно было! И на свадьбу тоже ездили, я помню. Так что Лариска все нам сейчас и расскажет...

Люда держала телефон около уха, не переставая тараторить. Потом вздохнула с сожалением, давая отбой:

– Не отвечает Лариска... Не слышит, наверное. Может, в огороде возится. Ничего, сама перезвонит, когда увидит пропущенный вызов. А все-таки, Тань... Чего тебе так приспичило Серегу найти, а?

– Нет, мне не приспичило, Люд. А впрочем, ты права... Да, мне очень надо его найти. Но тут двумя словами всего не объяснишь...

– Думаешь, я не пойму, да? Думаешь, ничего не вижу? Да по твоему лицу ведь все видно, Тань...

– И что же видно по моему лицу, Люд? – спросила Таня, с усилием улыбаясь.

– А то и видно, – с уверенностью проговорила Люда. – Вон как ты посмурнела вся, когда узнала, что он женатый да что двое детей!

– Но ведь и не должно быть по-другому, ты ж сама говоришь... – вздохнула Таня. – И я рада, что у него все хорошо, правда. Нет, я не от этого посмурнела, Люд.

– А от чего?

– Говорю же – двумя словами не скажешь!

– Да ладно, не скажешь... Ты ведь для того сюда и приехала, чтобы Серегу найти? Думала, он свободен, да? И до сих пор о тебе думает? Я ж помню, как ты влюблена в него была. И он тоже... Но так не бывает, Тань, чтобы мужик столько лет помнил. Это нам, женщинам,

так хочется, потому что мы дуры. А на самом деле... Нет, правда, а как ты хотела? Думала, он бобылем живет да сидит на печи и ждет, когда ты, такая вся распрекрасная, его сыщешь? Нет, милая, так не бывает! Чего на меня смотришь, улыбаешься? Думаешь, наверное, что яйца курицу учат, да? А что делать прикажешь? Вроде и не похожа ты на дурочку, но кто ж его знает, что с тобой случилось за эти годы...

Люда вздохнула, снова поскребла себя по темечку. По всей видимости, разговор ей этот очень нравился, и нравилось выступать в роли то ли обвинителя, то ли более умудренной опытом женщины, чем собеседница. Хотела было продолжить, но Таня оборвала ее резко:

– Спасибо тебе, Люд! Я пойду, пожалуй. Ты мне только скажи, где Лариска живет...

– Ой, да ты обиделась, что ли? – растерянно произнесла Люда, разведя руки в стороны. – Не обижайся, Тань! В кои-то веки свиделись, а ты убежишь, навсегда обидемишься...

– Нет, я не обиделась, правда, – поспешно уверила Люду Татьяна.

– Да я же вижу – обиделась! погоди, Лариска сейчас перезвонит, куда она денется! Она всегда перезванивает, ни разу не было, чтобы мой звонок пропустила. Это ж Лариску надо знать, ее хлебом не корми, дай только по телефону потрепаться...

Мельком глянув в окно, Люда вскрикнула с радостью, даже с ноткой победного восторга:

– О, да вот и Лариска, сама сюда спешает! Я ж говорю – никуда не денется! Решила не перезванивать, решила собственной персоной... Видать, денег на телефоне нет, а то бы... Я ж говорю...

Дверь магазинчика вскоре открылась, захлебнувшись приветственным звоном колокольчика. Маленькая круглая женщина – Лариска, стало быть, – шагнула к прилавку, быстро спросила у Людмилы, с трудом переводя дыхание:

– Чего звонила-то? Срочное что-то? Я решила сама прибежать. Как увидела твой вызов, так и бегу, как подстегнутая... Аж запыхалась вся...

– Ну, срочное не срочное, это видно будет, – важно проговорила Людмила, указывая глазами на Таню, – погляди-ка лучше, Ларк, на эту мамзель. Узнаешь, нет?

Лариса долго смотрела на улыбающуюся Таню, одновременно извиняясь лицом – не узнаю, мол... Потом Люда не утерпела, пришла ей на помощь:

– Да это Танька Клименко, Ларис! Помнишь, вместе бегали в детстве? Она на каникулы к бабушке приезжала!

– Ой, правда! – радостно хлопнула в ладоши Лариска. – Никогда б не узнала, если б на улице встретила! Ой, какая ты стала, Тань...

– Так и я о том же – никогда б не узнала! – поддержала ее Люда. – А знаешь, зачем она приехала-то, Ларис? Ни в жизнь не догадаешься! Представляешь, ей надо адрес Сереги Рощина отыскать! Представляешь, она даже не знала, что он живой!

– Да ты что?! – снова всплеснула ладошками Лариса, поочередно переводя взгляд с Людмилы на Таню. – Ну, надо же...

Было видно, что этот диалог приносит подругам большое удовольствие, являясь компенсацией недостатка местечковой событийности и необходимых для нормального женского существования эмоций. И потому надо постараться не расплескать, не дай бог, ни одной эмоции и в то же время продлить сладостные мгновенья вдруг свалившейся на их головы мелодрамы.

– Ну надо же, а? – снова повторила Лариска, замороженно разглядывая Таню. – Серега живой, а ты и не знала...

– Лариск, так ей сейчас еще и адрес Серегин понадобился, представляешь? – снисходительно поддала парку Люда, пользуясь правом первого обладателя информации. – Ты ей подскажи адресок-то, Лариска!

– Я? Да откуда...

– Да ладно, не придуривайся, откуда! Ты ж была на свадьбе у Сереги-то, вместе с Иваном, помнишь?

– Ой, да какая там свадьба... – махнула рукой Лариска. – Не было у них никакой свадьбы...

– Как это – не было? – удивилась Люда.

– А вот так... Посидели потихонечку в Тамариной квартире, отметили поход в загс, и все. Народу совсем было мало, только свои. Сережа тогда Ивана по старой памяти пригласил – друг все-таки. А сам-то был совсем никаковский, глядеть больно, доходяга доходягой. Тамара за ним ухаживала, как за ребенком – ни минуты не отходила. Она ведь, считай, его и спасла. Ой, да это долго рассказывать...

– А ты расскажи, Лариса. Пожалуйста, – хрипло попросила Таня, дрожащей рукой отвинчивая пробку на бутылке с водой и припадая сухим ртом к горлышку.

– Да я чего, я расскажу, если надо... – с готовностью закивала Лариска. – Значит, так было дело... Когда выяснилось, что Сережа живой, его мать в госпиталь поехала, домой его забрала. Представляете, что с ней тогда было, а? Сын погиб, но даже могилки не было... Ей ведь сказали, что он на mine подорвался, ничего не осталось, а оказалось, что его взрывной волной отбросило... Да, он весь израненный был, к тому же контуженный, и его вместе с другими погибшими чуть не похоронили – время такое было, не особо и разбирались, как да что. А потом обнаружили, что он живой, а похоронка уже ушла. Он лежит в госпитале, себя не помнит, имя-фамилию назвать не может, а время идет, идет... Несколько месяцев прошло, пока память вернулась. Вот тогда его матери и сообщили, что он живой... Поехала она, привезла его домой, начала выхаживать. А что в коммуналке за уход – сами представляете... Издевательство, а не уход. И тогда Тамара его к себе взяла...

– А она вообще кто, эта Тамара? Откуда она появилась? – с любопытством спросила Люда.

– Да она дочка подруги Сережиной матери, они с детства знакомы. Родители Тамары к тому времени померли, она одна жила, в трехкомнатной квартире. Вот и уговорила Сережину мать, чтобы Сережа к ней переехал. Так, мол, удобнее за ним ухаживать. А мать что – мать только благодарна была... Она и сама не очень здорова, сердце больное, а тут такая нагрузка...

– Понятно, понятно! – нетерпеливо перебила Люда. – Ну, а дальше-то что было? Значит, эта Тамара так за Сережей ухаживала, что замуж за него вышла?

– Ну да... – кивнула Лариска. – А что тут такого? Он же сам переехал к ней. Пусть и по необходимости. Так у нее и остался...

– Понятно, – усмехнулась Люда. – Как тут не останешься, ага? Поди, эта Тамара прижала его к стенке – раз остался, так и женись... Зря, что ли, я тебя выходила?

– Да нет, Люд, что ты! – сердито махнула рукой Лариска. – Зря ты так на Тамару! Она очень хорошая! Всегда спокойная, как танк, улыбается приветливо... И добрая, и отзывчивая. Меня к себе ночевать звала, когда Ванька в городе в областной больнице лежал. Помнишь, как он сильно болел, Ванька-то? И я вокруг него бегала, как дура... Если б знала тогда, что через два года он от меня свалит, да ни за что бы!

– Да, Ванька той еще сволочью оказался, – согласно кивнула в ответ Люда и тут же, глянув на Таню, спросила деловито:

– А адрес-то, Ларис? Помнишь адрес Тамариной квартиры, где ночевала?

– Не, не помню... – растерянно развела руками Лариска.

– Как это? – сердито переспросила Люда. – Дважды там была и не помнишь?

– Не... Так, чтобы полный адрес назвать, я не смогу... Первый раз меня Ванька привез, когда Сережа с Тамарой женились, а второй раз Тамара сама за мной в больницу приехала, сама ночевать привезла. Не, я даже название улицы не запомнила...

– Ну хоть что-то ты запомнила, Ларис? Где это? Около чего? Может, магазин какой рядом?

– Ой, да, точно! Я вспомнила! У них окна квартиры на кинотеатр выходят!

– На какой кинотеатр? Как называется?

– Не помню... – скусилась Лариска. – На вывеске буквы такие синие, они еще в окошко светили, я никак заснуть не могла...

– Ну? А что этими буквами написано-то? Вспоминай давай!

– Ой, да сейчас, не торопи меня, Люд! Что-то такое ненашенское, не русское... Вроде гладиаторское что-то...

– Какое-какое? – удивилась Люда.

– Может, «Колизей»? – тихо спросила Таня. – Если гладиаторское?

– Ой, точно! «Колизей»! – обрадованно подтвердила Лариса. – Как же я сразу не сообразила!

– Ну, хоть вообще сообразила, и то хлеб... – недовольно проворчала Люда, видимо, огорченная таким быстрым решением проблемы.

– А окна квартиры прямо на эти синие буквы смотрят! Поняла, да? – не обращая на нее внимания, радостно подтвердила свою наблюдательность Лариса. И тут же добавила осторожно: – А что, Тань... Ты обязательно хочешь найти Серегу, да?

– Хочет, хочет! – ответила за нее Людмила. – Она ж не знала, что он живой! А как узнала, так сразу и захотела!

– А как? Как узнала-то? – снова спросила Лариска.

– Да я сегодня Настю в городе встретила. Случайно... – тихо пояснила Таня.

– Это какую такую Настю? Евдокимову, что ли? – перекинувшись быстрым взглядом с Ларисой, спросила Люда.

– Да. Евдокимову, – подтвердила Таня.

– Ну, ты смотри, а, Ларис? – хлопнула себя по бедрам Люда. – Везде эту Настьку спросили, а? Наш пострел везде поспел!

– Ну, ты ж знаешь, какая она! – живенько подхватила Лариса. – Думает, если из Озерков уехала, уже и принцессой стала! Только мужик у нее вовсе не принц, а простой автослесарь! Да я вообще про нее знаю такое, такое...

У Ларисы жадно загорелись глаза в надежде вкусно посплетничать, и Люда явно подхватила на лету эту жадность, но Таня проговорила тихо, умоляюще:

– Я пойду, ладно, девчонки? Вы уж без меня тут...

– Постой! Как это – пойдешь? – обиженно произнесла Люда. – Только встретились, ни посидеть не успели, ни поговорить толком. Давай хоть выпьем за встречу по сто грамм? А то не по-людски как-то...

– Что, прямо здесь? В магазине? – удивленно подняла брови Таня.

– Так у меня ж подсобка есть! – радостно сообщила Люда. – Хоть маленькая, но втроем точно разместимся! Посидим, повспоминаем, выпьем за наше детство золотое. А если не хватит выпивки да закуски, так в магазин бежать не надо, все под рукой...

– А может, ко мне рванем, девчонки? – предложила свой вариант посиделок Лариса. – У меня и борщ наварен, и грузди соленые есть, еще с прошлого засола остались! А, Людк? Ты ж знаешь, какие у меня грузди!

– Да знаю, знаю... – задумчиво подтвердила Люда. – Можно и к тебе, конечно, мне без разницы... Оставляю на двери табличку про санитарный день, и гуляй, рванина, хоть до ночи! Все равно хозяина сегодня не будет, он в город к любовнице укатил! А чего взять-то, девчонки, а? Мы с Лариской однозначно водку будем, а ты, Тань, чего пьешь? Пригляди вон себе на полке чего из благородного!

– Ой, да я не могу, девчонки! – взмолилась Таня. – Я ж за рулем. Тем более мне обратно ехать пора! Еще и на могилу к бабушке надо успеть... Давайте в другой раз, ладно?

– Да когда – в другой раз... – протянула с большим сожалением Люда. – Не приедешь ты сюда в другой раз.

– Да почему? Я приеду... – неуверенно пообещала Таня, пятась к двери. – Выберу специально время и приеду.

– Эх ты, такой повод был... – грустно покачала головой Люда, и Лариска повторила за ней эхом: – Да, хороший был повод. Только настроение нам испортила...

– Простите, девчонки! – обернулась Таня уже от двери. – И спасибо вам за все! Пока...

Спустившись с крыльца, она быстро пошла к машине, будто боялась, что они побегут за ней следом. Прежде чем плюхнуться на водительское место, махнула рукой в сторону окна магазинчика, улыбнулась. Знала, что смотрят... Сейчас, наверное, сплетничать про нее будут, косточки перемывать, осуждать ее за желание найти Сергея. Может, они и правы. Других эмоций это желание вызвать не может. Но не объяснишь ведь всей правды...

Заехав на кладбище, она долго искала могилу бабушки. Хорошо, кладбищенский сторож помог, привел ее к аккуратному памятнику из мрамора, который поставили родители лет десять назад. И оградка вокруг памятника была, крашенная серебрянкой. И скамеечка.

Сев на скамеечку, Таня досадливо ругнула себя – могла ведь в магазине у Люды хотя бы печенья да конфет взять, а не являться к бабушке с пустыми руками! Вот во всем она такая – соображает задним числом!

Бабушка смотрела на нее с овала фотографии радостно и приветливо, будто хотела сказать – не надо мне ничего, сама пришла, и ладно. Я и рада. Она и в жизни была такая – все ей прощала. И всегда ждала, и радовалась, когда внучка приезжала на каникулы, и грустила, когда прощалась...

Посидев немного, Таня встала, произнесла тихим и слезным голосом:

– Прости меня, бабушка, что я раньше к тебе не приезжала... Не могла я, прости. Пойду я, бабушка. Мне еще Сережу надо найти... Зачем – и сама не знаю. Надо, и все. Так чувствую. Не знаю, что дальше будет. Может, я глупость большую делаю, да как понять? Благослови...

Поклонившись низко, она быстро прошла по тропинке к выходу, села в машину, поехала.

Время было едва-едва послеобеденное, и никуда она, в общем, не опаздывала. Но все равно гнала машину, будто сидело в ней какое-то нетерпение – скорей, скорей! Скорее увидеть Сережу! Так надо, так надо. Надо, и все тут!

* * *

Конечно же, она знала распрекрасно, где находится кинотеатр «Колизей». Более того, бывала там не однажды. И ни разу сердце не шелохнулось, что, может быть, Сергей смотрит из окна на толпу зрителей, спешащих в кинотеатр... А там, в толпе, и она тоже. И невдомек ему. Хотя... Может, он забыл ее давно и не узнает при встрече?

Пусть так... Пусть. По крайней мере, иллюзии уйдут и душенька успокоится, не будет грезить наваждением. И слава богу, да! Зачем счастливой женщине какие-то наваждения? С жиру эта женщина бесится, вот что!

Так, уговаривая себя, Таня доехала до кинотеатра «Колизей», глянула на окна дома напротив. Потом въехала во двор, соображая, где лучше поставить машину – у самого подъезда или чуть подальше, чтобы удобнее было наблюдать. Так ничего и не решив, придумала промежуточный вариант – оставила машину в общем ряду на небольшой стоянке, а сама села на скамью на детской площадке, откуда хорошо просматривался пятачок перед нужным подъездом.

Боже, какие они тягостные – минуты ожидания... И сердце колотится в бешеном ритме. И нервы на пределе. И вообще, она сейчас, наверное, очень смешно выглядит на этой детской

площадке, среди мамаш, караулящих своих деток. Вон какие они расслабленные, эти мамыши, вон как лениво и спокойно переговариваются друг с другом. А она – как белая ворона среди них. Беспокойная ворона. Нахотлившаяся. Измученная ожиданием. Смешная ворона, потому что самой неизвестно, чего она ждет. Может, Сергей с семьей давно уже переехал из этого дома? Действительно, какой срок давности показаний Лариски – более чем десятилетний? Ну, если даже не уехал, то необязательно, что может вот-вот появиться у своего подъезда... Может, он по сменам работает? Или в отпуск уехал, к примеру?

Нет, никакие уговоры и объяснения не спасали – все равно Таня сидела на скамье, как на раскаленной сковородке. И ни за что не решилась бы спросить одну из мамаш про то, проживает ли в этом доме Сергей Рощин с семьей, – боялась выдать себя с головой. А вдруг эта мамаша окажется его соседкой или, того хуже, приятельницей жены?

Через полчаса мучительного ожидания она уже сама себя ненавидела. Фу, какое унижительное положение – сидеть и ждать неизвестно чего. Никогда в таком положении не была, фу!

Через час Татьяна решила встать и уйти. Тем более мамыши стали поглядывать на нее подозрительно, шушукаться меж собой. Да, надо встать и уйти, хватит сидеть! Надо пойти к машине, сесть за руль и уехать отсюда в свою счастливую жизнь и никогда больше сюда не возвращаться. Никогда! Все, хватит с нее. И пусть иллюзия останется иллюзией, пусть иногда приходит ощущение, что она стоит на берегу в кольце Сережиных рук и улетает в бесконечное счастье, невозможное и непереносимое... Пусть будет, жалко ей, что ли? А сейчас надо уйти.

Видимо, провидение услышало Таню и испугалось, что и впрямь она уйдет. Потому что akurat в этот момент во двор въехала синяя «Тойота», остановилась у того самого подъезда. Из машины вышел Сергей – Татьяна сразу его узнала...

Нет, не сказать, чтобы он вовсе не изменился. Изменился, и даже очень.

Был красивый парень, стал красивый мужик – высокий, сухопарый, почти седой. Но даже седина его не портила, наоборот, придавала обаяния зрелой мужественности. Движения его были неторопливы, уверенны. Вот слегка повел плечами, избавляясь от напряжения, потом будто вспомнил что-то, потянулся в салон, открыл багажник. Одновременно с открывшейся крышкой багажника с переднего сиденья машины вышла женщина – полноватая, в строгом сером костюмчике, с озабоченным лицом. Не сердито озабоченным, а привычно, скорее. Стало быть, это и есть жена Тамара, про которую Лариска сказала, что она скромная, добрая и отзывчивая. Действительно, тут и без Ларискиных пояснений можно обойтись – сразу бросается в глаза и скромность, и доброта, и отзывчивость.

Сергей и Тамара вместе склонились над багажником, вместе вытащили из него какие-то пакеты. Потом Сергей попытался перехватить из рук Тамары и ее пакеты тоже, но она не отдавала, сопротивлялась с умоляющей улыбкой, говорила что-то быстро. Наверное, хотела разделить с мужем ношу, беспокоилась, что ему одному тяжело будет. Ну да, а как еще-то? Она ж добрая и отзывчивая, она мужа когда-то спасла. До сих пор, наверное, спасает и оберегает. Спасительница.

Таня вдруг явственно уловила эту нотку ревнивой злобы, прошедшую горячей иглой по собственному смятению. И попыталась ее уничтожить – какое она имеет право на ревность, да еще и злобную? Она вообще здесь не для того, чтобы ревновать...

А для чего? Чтобы любоваться на их семейную идиллию? Все равно ж нельзя сейчас подойти к Сереже и обнаружить себя! И что она скажет Тамаре? Мол, случайно по двору шла и вдруг увидела – опа, моя первая любовь нарисовалась! Надо же, какая счастливая случайная встреча! Вы знаете, Тамара, у нас ведь большая любовь была, и я даже обещала муженьку вашему, что обязательно дождусь его из армии...

Тем временем Сергей и Тамара скрылись за дверями подъезда. Таня выдохнула с трудом – ну, вот и все... Теперь можно спокойно вставать и ехать восвояси. Переждать, когда нервная

дрожь пройдет, и ехать. И ругать себя последними словами – зачем, зачем затеяла всю эту шпионскую историю? Чего добилась-то? Ну, увидела Сергея. И что? Да ничего, собственно...

Тем временем Сергей снова выскочил из подъезда, подошел к машине, снова открыл багажник. Видать, забыл что-то.

Внутри у Тани будто колокол бухнул – давай, иди, подойди к нему! Иначе потом и впрямь будешь маяться незавершенностью!

Она встала со скамьи – внутри все тряслось от волнения. Пока шла к машине, Сергей успел нырнуть головой в багажник, искал там что-то. Подошла сзади, окликнула тихо:

– Сережа...

Он застыл на секунду. Потом распрямился, оглянулся недоверчиво и немного испуганно. Наверное, решил, что ему привидением из прошлого прилетел знакомый голос.

– Здравствуй, Сережа. Ты меня не узнаешь?

На сей раз голос ее звучал увереннее. Наверное, его реакция помогла – недоверчивая и немного испуганная. Если испугался, значит, помнит.

– Узнаю, конечно. Таня... Таня, это ведь ты?

– Я, Сереж.

– Таня! Боже мой... Неужели это правда ты? Какая ты стала...

– Какая, Сереж?

– Красивая. Очень красивая. Но ты и раньше была красивой, что я говорю... Но что ты здесь делаешь? Как ты здесь? Какими судьбами?

– Тебя жду, Сереж. Не буду врать, что я здесь случайно. Я тебя вычислила и приехала, чтобы... Чтобы просто посмотреть на тебя. Я не знаю, зачем это мне, Сереж. Сама себе не могу объяснить, но... Я ведь не знала ничего. Я вообще про тебя ничего не знала...

Татьяна и сама не слышала, что лепечет. Причем бессвязно лепечет, не отрывая взгляда от его лица. И еще что-то лепетала такое же бессвязное, и он внимал этому лепету, будто все понимал правильно, и даже головой кивал в унисон. И ничего не говорил, молчал. Только сглатывал удивленно, и она видела, как нервно дергается кадык на его шее. И продолжала лепетать, и не могла остановиться:

– Мне очень надо было тебя увидеть, Сереж. Я не знаю зачем. Наверное, чтобы просто постоять рядом. Как тогда, помнишь? На обрыве. Постоять, и все... Понимаешь?

Он кивнул невразумительно, потом опять сглотнул, потом произнес тихо и хрипло:

– Тань, мне сейчас ехать надо. Детей из школы забрать. Они там стоят, ждут меня... Дай мне свой телефон, я позвоню!

Сергей выудил из кармана джинсов телефон – Татьяна видела, как дрожала его ладонь. И автоматически принялась проговаривать цифры своего мобильного, как заклинание. Он остановил ее нервно:

– погоди, я не успеваю. Сначала давай. Все, я записал. Я позвоню тебе, Тань...

Захлопнув багажник, он быстро сел за руль, быстро завел машину, рванул с места. Таня осталась стоять, смотрела ему вслед. Потом шагнула назад, споткнулась о бровку тротуара, едва устояла на ногах. Огляделась, с трудом соображая, где находится ее машина. И медленно побрела к ней, неся в себе непонятно что – то ли стыд, то ли обескураженность этой нелепой встречей.

Уехал. Уехал! Даже не сказал ничего. И номер телефона взял только ради приличия. Уехал, почти сбежал! А она надумала себе бог знает чего... Стояла перед ним, лепетала всякую глупость. А он просто стоял и боялся, что Тамара на них из окна смотрит! Вот так тебе, наивная мечтательница, получи свой урок! Не надо гоняться за иллюзиями родом из юности, надо жить своим зрелым счастьем и радоваться!

И ладно. И она таки будет радоваться. Успеет еще домой приехать вовремя и ужин для мужа приготовить. И не будет ждать никакого звонка. Честное слово, не будет!

* * *

Легко обещать самой себе – не буду ждать звонка... А если не получается? Если не хочешь, а ждешь? И вроде вопросы задаешь себе правильные – она мне нужна вообще, эта нервотрепка? – а все равно ждешь, все равно нервничаешь...

И все из рук валится. Хотела мясо в духовке запечь – и забыла вытащить вовремя. Такая досада взяла – хоть плачь! Так старалась, колдовала над этим мясом, новый рецепт в Интернете выискивала... Хотела вкусным ужином Валью поразить. Да и самой отвлечься хотелось, и свое маленькое предательство кухонной суетой прикрыть. Хотя, может, оно вовсе и не маленькое, если по большому счету. Но кто эти счета будет предъявлять? Только она сама себе может. Потом, когда душа успокоится, а голова будет соображать в привычном режиме.

Да, потом. А сейчас никакой самоанализ не поможет. Сейчас главное – с ума не сойти от ожидания звонка...

Валентин открыл дверь, прокричал громко с порога:

– Тань! У нас горелым пахнет! Что у тебя случилось?

– Да ничего! – неожиданно для себя злобно огрызнулась Таня, выглядывая из кухни. – Про мясо в духовке забыла, вот чего!

– Ах ты, моя хозяйюшка... Она мясо к ужину хотела запечь... С лимоном и розмарином, как я люблю, да?

– Нет, я новый рецепт в Интернете нашла... Но теперь уж без разницы, с чем оно было, с лимоном или с розмарином! – с досадой проговорила она, доставая из духовки противень с мясом. – Теперь все равно несъедобное... Видишь, как подгорело!

– А по-моему, ничего страшного, – добродушно проговорил Валентин. – Ну, подгорело слегка...

– Ой, Валь! Не надо меня утешать! Вечно ты...

– А я и не думаю тебя утешать, с чего ты взяла? Я вообще люблю слегка подгорелое мясо! – не сдавался в своем любящем оптимизме Валентин. – Да ради того, что жена к моему приходу с ужином подсутилась, я могу что угодно съесть! Хоть горелое, хоть сырое!

– Да ладно! – охладила его пыл Таня, стараясь убрать из голоса раздражение. – Можно подумать, я никогда тебя с ужином с работы не встречала! Можно подумать, только сегодня у тебя праздник! А в остальные дни я на диване валяюсь и сериалы смотрю, ага!

– Да ладно, не злись... Я ж не виноват, что у тебя мясо подгорело. Тем более я не голодный, мне с клиентом пришлось в ресторан идти, так что...

– Ты же обещал горелое съесть! И не только горелое, а даже сырое! Только что!

– Ну, если надо, могу и съесть... – растерялся Валентин.

– Да ну тебя! Надоело! Разговариваешь со мной, будто я нервнобольная! Из какой-то ерунды целую теорию выстроил, чтобы продемонстрировать свое благородство! Не надо мне ничего демонстрировать, Валь, ради бога! Я вовсе не нуждаюсь в твоём... В твоих...

– Тань... – перебил он ее тихо, глядя с улыбкой. – Что с тобой, Тань? Чего ты так на меня злишься? Что-нибудь случилось, да? На работе неприятности? Лучше возьми да расскажи, вместе придумаем что-нибудь...

– Да ничего у меня не случилось, все как обычно! – Таня вывернулась из рук мужа, который попытался ее обнять. – И вовсе я не злюсь, не придумывай!

– Но я же слышу... Ты ведь знаешь, как я всегда очень хорошо тебя слышу... А сегодня от тебя током бьет, с места сшибает. И для критических дней вроде рановато...

– Валь, прекрати. Все у меня хорошо, правда. Просто...

– Просто настроение плохое, да? – отошел на шаг назад Валентин.

– Чего ты пристал ко мне? Нормальное у меня настроение! Все, надоело, хватит!

Валентин хотел еще что-то сказать, но Татьяна вдруг замерла, как гончая, еще и палец вверх подняла, прислушиваясь. Потом рванула бегом в гостиную – на журнальном столе исходил позывными ее мобильник. Схватила его, глянула на дисплей... И выдохнула разочарованно. Мама звонит. Всего лишь мама.

– Да, мам... – произнесла недовольно и тут же пожалела о том, что вовремя не смогла справиться с напряжением. Потому что мама молчала, посчитав ее недовольство за оскорбление.

– Я тебе помешала своим звонком, да, дочь? – произнесла она сдержанно и тут же добавила, не дожидаясь ответа: – Если ты не можешь со мной разговаривать, то Валентина позови... Может, ему интересно будет узнать, как у ваших детей день прошел в гостях у бабушки с дедушкой. Или ему это тоже неинтересно?

– Ну, мам... Не начинай, пожалуйста, ладно? Ну что я такого сказала? Откуда такие выводы?

– Оттуда. Я твоя мать, мне достаточно твоей первой интонации в разговоре, чтобы...

– Все, мам, все! Прости! Я поняла, я не права была! Просто очень сегодня устала, и... И вообще, у меня голова очень сильно болит...

– Про больную голову ты мужу рассказывай, а мне не надо. Я же чувствую, что дело вовсе не в больной голове. Что у тебя случилось, Тань?

– Да ничего не случилось! Говорю же – устала!

– Но я же чувствую...

– Мам! Как там Егорка с Даней? – постаралась перевести разговор на другие рельсы Таня. – Вы с папой еще не устали от них? Может, забрать?

– Да ну, не говори ерунды! Как мы можем устать от собственных внуков? – тут же охотно переключилась мама. – У нас сегодня был замечательный день! Егорка с дедом на футбол ходили, а мы с Данечкой в зоопарк. Представляешь, там у слонихи Маши слоненок родился, и в этот день его как раз предъявили обществу. Такая прелесть, ты бы видела! Правда, слониха Маша все время пыталась отгородить его от людских глаз. А он, наоборот, все время на авансцену стремился. Такой забавный, прелесть! У Даньки только и разговоров теперь – о слоненке. Даже хотел тебе позвонить, но я не дала. Ты ж на работе, тебе некогда. И Валентину некогда. Занятые люди... А ты говоришь – забрать! Что они у вас делать станут? Весь день дома сидеть и вас дожидаться?

– Так я ж хотела их в летний лагерь отправить...

– Еще чего, в летний лагерь! Да ты телевизор включи, послушай! Там каждый день про эти летние лагеря такие страсти-мордасти рассказывают! Нет, в лагерь – ни за что! Только через мой труп! И отцов труп тоже можешь рядом с моим положить, поняла?

– Да поняла, поняла... – поспешно согласилась Таня. – Только я же в хороший лагерь хотела отправить, мам! В такой, где с детьми ничего не случается! И Егор просился, у них полкласса в тот лагерь уехали...

– Ну, знаешь... – фыркнула мама. – Сегодня не случилось, а завтра возьмет и случится. Тут ведь не угадаешь...

– Да я понимаю. Но все равно так нельзя, мам. В лишней опеке тоже нет ничего хорошего.

– А кто говорит о лишней опеке?

– А как это называется, по-твоему?

– Ну ладно, Тань... О чем мы спорим? Мальчишкам у нас хорошо, мы с дедом каждый день новую программу развлечений придумываем... И сами заодно развлекаемся и молодеем!

– Да, молодцы... Спасибо вам большое.

– Тань, а я вообще чего звоню-то... Может, на ужин к нам приедете? До выходных еще далеко, а мальчишки соскучились...

– Нет, мам, поздно уже, – мягко отказалась Таня. – Валя только что с работы пришел, устал. Давай завтра, а? Вот завтра – обязательно.

– Ну, завтра так завтра...

– Хорошо, мам, договорились. До завтра. Пока.

– Постой, Тань... – остановила ее мама. – И все-таки не нравится мне твой голос! Такое чувство, будто ты торопишься разговор завершить.

– Ну, ты опять, мам... Не начинай сначала, а? Все у меня в порядке, все хорошо, все замечательно.

– Может, с Валею поссорилась? Хотя как с ним можно поссориться? Он молится на свою жену, как на икону. Хороший у тебя муж, цени свое счастье.

– Я ценю, мам.

– Вот и цени...

– Ну все, мам, пока... До завтра... Егора с Данькой целуй. Пока, пока!

Таня торопливо нажала на кнопку отбоя, словно боялась, что мама задаст следующий вопрос про «плохой» голос. Не отпуская телефона из руки, поплелась на кухню. Валентин сидел на стуле, свесив руки, и глядел в окно. Повернулся к ней, спросил тихо:

– Что, мама твоя звонила? Как там Егорка с Данькой?

– Да все нормально... Егорка с дедом на футбол ходил, а Данька в зоопарке на слоненка любовался. Слониха недавно родила слоненка, и сегодня его предъявили обществу. Так мама сказала.

– Понятно... Я с ними сегодня так и не пообщался. Видел в телефоне вызовы, но времени совсем не было, чтобы перезвонить.

– А мне они вообще не звонили... – вздохнула Таня. – Тебя больше любят, чем меня.

– Это что, претензия? Или жалоба?

– Это констатация факта. И это правильно, наверное. Мальчишки должны больше к отцу тянуться, чем к матери. Деда они тоже больше любят, чем бабушку.

– Да ну, ерунда... – отмахнулся Валентин. – С чего ты взяла?

– Ну... Мне так кажется.

– А я могу поспорить с тобой на эту тему!

– Давай не сейчас, ладно?

– Почему не сейчас?

– Потому что у меня голова болит. Потому что у меня мясо сгорело. И вообще... Я сегодня очень устала, вот почему!

– Да ладно, не злись.

– Я не злюсь!

– А я вижу, что злишься. – Валентин пристально посмотрел на жену. – Что случилось, Тань?

– О боже... – закатила глаза Таня. – Опять по тому же кругу. Сколько можно повторять – ничего не случилось! Ни-че-го! И отстань от меня уже!

Она сердито развернулась, ушла из кухни, сжимая в ладони плоское тельце телефона. Так и ходила с ним, пока не улеглась спать.

Долго лежала с закрытыми глазами – не спалось. Будто со стороны наблюдала свою нелепую встречу с Сергеем, его удивленный взгляд, испуганное лицо. И пыталась понять, отчего так муторно на душе. Ведь хотела увидеть? Увидела. И поняла вроде – совсем другой человек. Сережа – да не Сережа. Вроде и не чужой – и в то же время чужой. Вроде она должна успокоиться и уgomониться, но не получается. Может, завтра получится? Завтра закрутит в делах новый день и некогда будет маяться дурью. Тем более Сережа не позвонил... Может, он для этого сказал – позвоню, чтобы она отстала? Фу, как все неловко получилось...

Он позвонил на следующий день, ближе к обеду. Деловито назначил встречу, даже не спрашивая, удобно ли ей назначенное время и место. Но ей было уже все равно – что удобно, что неудобно... Сколько можно мучиться неизвестно чем, в конце концов?

Она пришла на встречу. Конечно же. Хотела для себя выяснить все – раз и навсегда. Вот спроси ее тогда – что конкретно выяснить? – не ответила бы. Да и не выяснила ничего, по сути... Потому что не до выяснений им было. Потому что бросило их навстречу друг другу с той самой силой, которая рассуждать не умеет. И не умеет ничего выяснять. Накрывает с головой и властвует, и не то чтобы рассуждать да анализировать, она просто дышать не дает. И потащило их той самой силой неведомо куда... И время понеслось...

В горячечных встречах понеслось, в поцелуях, объятиях. Бурно. Сумбурно. В первое время им и не до разговоров было – бросались друг на друга, как ненормальные. И жадно вбирали в себя время, отведенное для встречи. Меняли явки, адреса, гостиничные номера, какие-то съемные квартиры... И опять Татьяна задавала себе те же самые вопросы – что происходит? Они оба сошли с ума? Но ведь надо же подоплеку какую-то подвести под это сумасшествие! Признать, что меж ними происходит, все своими именами назвать.

Только какими такими именами? Что это? Компенсация непрожитой когда-то юной любви? Той самой любви, которая жила без них сиротой, потом выросла, будучи сиротой, а теперь мстит за свое неприкаемое сиротство?

Однажды Таня, лежа на спине и выплывая из очередного горячего обморока, спросила тихо:

– Что между нами происходит, Сереж? Ты можешь мне объяснить?

– Могу... – так же тихо ответил он. – Я люблю тебя, Танька, вот и все объяснение. Как увидел тогда, во дворе... Помнишь, ты подошла и окликнула?

– Помню, конечно...

– Ну вот. Я увидел тебя и сразу понял, что люблю. Как тогда... Так ясно вдруг открылось. Я ведь не забыл ничего. А ты?

– И я...

– Кстати, а как ты в моем дворе оказалась?

– Как-как. Я ведь объясняла тебе...

– Когда? Не помню!

– Да там, во дворе, когда подошла! Я тебе так и сказала – вычислила, мол. Посмотреть хотела. Просто посмотреть, рядом постоять...

– Seriously? А я не помню. Я вообще не слушал, что ты там лепетала. В голове будто колокол звенел – Танька! Танька! Это же Танька! А как ты меня вычислила, кстати?

– Я в Озерки ездила, как настоящий сыщик. По следу шла. Вот и вычислила.

– Ну да? Правда?

– Правда, конечно.

– Тань, а повтори мне еще раз, что ты там, во дворе, лепетала.

– На бис, что ли?

– Ага... Очень хочется еще раз услышать.

– Ну, я тебе пыталась объяснить, почему хотела тебя увидеть. Понимаешь, меня все эти годы ощущение одно преследует, покою не дает... Будто я стою на обрыве, в кольце твоих рук, и такое внутри счастье, что перенести его невозможно. Я не могу объяснить, что это такое, но... Больше я такого ни разу не испытывала, ни при каких обстоятельствах. Много всякого счастья было, но такого... Нет, не могу объяснить...

– Да я понимаю, Тань. Со мной приблизительно то же самое все эти годы происходило.

– Правда?

– Правда.

– Наверное, это я виновата в том, что поверила в твою смерть. Не надо было верить. А я поверила. И не знала все эти годы, что ты живой. Ты был для меня просто памятью, а это ощущение, которое время от времени накатывало, – миражом, осколком от несбывшегося. Я как солдат жила, вернувшийся с войны, – с осколками. Вроде и все хорошо, и счастье бытия внутри и снаружи, а осколки своей жизнью живут. А почему ты меня не нашел, Сережа? Я-то понятно, не знала... Но почему ты меня не нашел?

– Я нашел. В тот день у тебя аккурат свадьба происходила. Ты такая красивая была – глазам больно. А я... Чего я? Доходяга доходягой. Только-только из инвалидной коляски вставать начал.

– И ты все видел и не подошел?

– Не-а. Не подошел. Зачем праздник портить?

– Дурак ты, Сережа. Да я бы не вышла замуж, если б ты объявился, понимаешь ты это или нет? Да я бы за тобой на край света пошла! Хоть какой бы ты был, какая разница!

– Мне есть разница, Тань. Я не хотел быть обузой. Я ведь еще долго потом в себя приходил. Годы прошли, пока я...

– Понятно. Значит, Тамаре быть обузой ты не испугался, а мне испугался, да?

– Ты сейчас глупые вопросы задаешь, Тань. Очень глупые.

– Да почему? Почему они глупые?

– Потому. И вообще, Тань... Давай договоримся на будущее – ни о моей жене, ни о твоём муже мы никогда говорить не будем. Ни в какой ипостаси. Ладно?

– Хорошо., – упавшим голосом проговорила Таня. – Согласна. Только все же ответь мне на один вопрос, Сереж. Только на один, и все! Скажи... Твоя жена тебя очень любит, правда?

– Да. Любит. Очень любит.

– А ты счастлив, что тебя любят?

– Не знаю. Наверное, счастлив по-своему... А ты разве нет? Ведь твой муж тоже тебя любит?

– Да. Очень любит. А только меня часто эта любовь раздражает, честно скажу, хоть тебе мой ответ и не понравится. Я думаю, что и у тебя такая же ситуация.

– Тань... Моя жена и твой муж не виноваты в том, что так все сложилось. Такая судьба, значит, ничего не поделаешь. Надо уметь с благодарностью принимать любовь. Кто-то из мудрых и знаменитых когда-то сказал – любовью оскорбить нельзя... Не помнишь, кто это сказал?

– Нет, не помню. Значит, ты с благодарностью принимаешь любовь Тамары, я правильно поняла?

– Тань... – взмолился Сергей. – Мы же договорились...

Но Таня наклонилась над его лицом и, пристально вглядываясь в глаза, настойчиво продолжала:

– Она ведь ухаживала за тобой после госпиталя, правильно? Она тебя на ноги подняла? Да еще и полюбила великой любовью, правильно? Как все это не принять с благодарностью?

– Да, все именно так. Как было все это не принять с благодарностью – ты это хочешь от меня услышать? Да, Тамара подняла меня на ноги, она меня спасла, она меня вернула к нормальной жизни. Да если бы не Тамара, был бы я сейчас инвалидом, никому не нужным, только и всего. Это Тамара всех знакомых на уши подняла, лучшим специалистам деньги платила, в долги залезла...

– Сереж! Но если б я тогда знала! Я бы тоже...

– Да, ты не знала. Я и сам тогда себя не знал, ни имени своего не помнил, ни прошлого. Сколько времени прошло, пока вспомнил... Да меня мать родная не узнала, когда в госпиталь за мной приехала! А ты говоришь... Нет, я бы не хотел, чтобы ты меня видела таким, каким я тогда был. А Тамара... Ее ведь мама о помощи не просила. Она сама так решила, понимаешь? Решила меня выходить, спасти... Мы с детства знакомы, моя мама дружила с ее матерью.

Потом у Тамары мать умерла, и мы с мамой остались для нее самыми близкими людьми. Она была мне как сестра... Наверное, это судьба, Тань. Как случилось, так случилось. Она меня спасла, и я...

– Понятно. И ты на ней женился из благодарности.

– Да при чем тут благодарность! Ты же не знаешь, как все это было! Как мать моя мучилась со мной, с инвалидом, в коммуналке... Ты хоть представляешь себе, что это такое – ухаживать за инвалидом в коммуналке? Когда один общий туалет на четыре семьи, одна ванная комната... А Тамара настояла на том, чтобы я к ней переехал. Почти силой меня к себе увезла. Она тогда одна в трехкомнатной квартире осталась, родители уже умерли... Она меня тогда спасла, да...

– А мама, стало быть, в коммуналке осталась?

– Да ты знаешь, сколько раз Тамара настаивала на том, чтобы мама жила с нами? Но разве ее убедишь... Ни в какую не соглашается! Хочу, говорит, чтобы у меня свой угол был. Пусть никаковский, но свой... Она вообще такая по характеру, ничего с ней поделать нельзя. И вовсе не из-за Тамары... Наоборот, она ей очень благодарна и очень ее любит.

– Да, все Тамаре кругом благодарны. Ты благодарен, мама благодарна. – хмыкнула Таня. – Одна большая общая благодарность на всех...

– Тань, к чему ты клонишь, не понимаю?

– Да все ты понимаешь, Сереж... И знаешь, как эта благодарность называется?

– Да я знать не хочу, как она называется, Тань! Потому что я действительно ей благодарен! Да, моя любовь к ней зовется благодарностью, но это ничего не меняет по сути. Я никогда не смогу причинить ей боль...

– Ты уже причиняешь ей боль, Сережа. Тем, что находишься рядом со мной.

– Все, Тань! Хватит! Больше мы к этой теме не возвращаемся! Никогда! Договорились?

Он произнес эти слова таким тоном, что Таня вдруг испугалась. И прошептала в ответ тихо:

– Да, Сережа, договорились...

Сережа вздохнул, повернул к ней голову, улыбнулся. Потом сел на постели, наклонился, выудил мобильник из кармана брошенных на пол джинсов, произнес удивленно:

– Ого... Уже девять часов! Как время летит – с ума сойти...

И, обернувшись к Тане, спросил деловито:

– Ты первая в душ? Или я первый?

– Давай вместе...

– Нет уж, дудки. Если вместе пойдем, то может случиться, что мы до утра из этой квартиры не выйдем. Давай я первый, ладно?

– Ладно, иди...

– Ты что, обиделась на меня?

– Да прям...

– Тогда обещай мне, что мы к этой теме никогда больше возвращаться не будем!

– Но я же сказала. Иди...

Они и впрямь больше не возвращались к этой теме. Никогда. Встречались урывками, на разговоры время не тратили. Действительно – зачем его тратить, когда оно само по себе драгоценно? Зачем заниматься бесконечным анализом того самого ощущения, которое вернулось из прошлого? А оно вернулось, и в этом сомнений не было. Только вот что дальше с ним делать...

А ничего не делать! Просто жить и радоваться. Сережа прав – они теперь несвободны, они теперь не те юные и крылатые, от земли не оторвешься, не полетишь. Только и остается – просто жить. Жить, как в той песне: «мы могли бы служить в разведке, мы могли бы играть в кино... мы как птицы садимся на разные ветки и засыпаем в метро...»

Оказывается, обман – это тоже форма жизни. Вон как романтично можно преподнести!

Однажды удалось вырваться на целое воскресенье. С утра и до вечера. Весь день вместе – какое счастье! После обеда разомкнули объятия в очередном гостиничном номере на окраине города, Татьяна произнесла тихо:

– Сереж, я сейчас умру от голода... Утром убежала, не успела позавтракать. Пойдем в кафе, пообедаем? Где-нибудь на террасе устроим себе праздник?

– Шашлычок под коньячок, вкусно очень? – пропел он в ответ грустно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.